

Поздней осенью или зимой 1975 г. нас, первокурсников ОСиПЛа (отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ), взбудоражила новость – Кибрик приглашает на разговор желающих ехать в экспедицию с нашего курса!

Середина 1970-х гг. – пик экспедиционной деятельности. Летом 1973 г. Кибрик взял в Дагестан около 20 лучших студентов, и почти 30 – летом 1974. ОСиПЛ бурлит от впечатлений. Слова «Тинди», «абруптив», «годекан», «Хлют», «Самур», «лакцы», «даргинский язык», «чамалинцы», «эргативность» звучат как музыка.

На меня ажиотаж не действует. Я не собираюсь ездить в экспедиции. Какие горы? Я не спортивен, у меня лишний вес и плохой вестибулярный аппарат, мне всю жизнь требуется некоторое усилие, чтобы удержать равновесие даже на лестнице. Я знал про себя, что путешествий не очень люблю, общаться с людьми не умею, в компании мне некомфортно, и к коллективной работе, скорее всего, я не способен.

И если бы я не поехал тогда, у меня ко второму курсу определились бы другие интересы, и я бы не принимал участия в экспедициях. Но очень сомнительно, что без тяжелой встряски, которую я получил от Кибрика, из меня бы вышло что-то путное.

Однако не хотеть ехать в экспедицию и не пойти на встречу с Кибриком считалось неприличным для уважающего себя студента, если только у него не было тяжелых проблем со здоровьем.

Поэтому в назначенный день и час я поплелся за всеми.

Почти весь наш курс с трудом набился в небольшую аудиторию.

36-летний Кибрик, которого мы впервые увидели близко, не ожидал, – или убедительно притворился, что не ожидал, – такого наплыва желающих. Был мрачен и немногословен.

– Экспедиции проходят в трудных условиях, они не для тех, кто ценит бытовые удобства и разборчив в еде. Желающие могут ходить на мой семинар по арчинскому языку. На примере арчинского я объясняю, как устроена фонетика и грамматика в дагестанских языках. Многие вам будут непонятны, потому что вы еще знаете мало. Поэтому с вашего курса в экспедицию мы сможем взять, – Кибрик сделал паузу, – одного, максимум двух человек.

Глядя на вытянувшиеся лица однокурсников, я втайне обрадовался: значит, экспедиция мне не светит.

А на интересный семинар по арчинскому языку, я, конечно, ходить буду.

Арчинский семинар в самом деле оказался интересным, хотя, как и предупреждал Кибрик, многое еще было непонятно.

В тот раз Кибрик взял в экспедицию 7 человек с нашего курса, в их числе – 5 будущих докторов наук, нынешнего руководителя Института лингвистики РГГУ и одного члена-корреспондента РАН.

Понимаю ли я уже тогда, кто такой Кибрик?

На семинаре и на организационных встречах перед экспедицией я вижу перед собой хмурого, постоянно озабоченного, целеустремленного и очень прозаического человека. Мне еще предстоит узнать:

что Кибрик не аскет, любит жить и давать жить другим;

что несмотря на это, он невероятно много успевает;

что он никого жестко не опекает и не наказывает, – а между тем нарушения дисциплины и проявления раздолбайства под его руководством редко выходят за рамки терпимого;

что он не может долго жить без приключений;

что он крайне тяжело, тяжелее многих, воспринимает неприятности и неудачи, которые в ходе приключений неизбежно приходится огребать, – но это его не останавливает никогда;

что он при этом неправдоподобно везуч, упрям, обидчив и великодушен;

что он самодоволен, – но это детское и наивно открытое самодовольство, как у Карлсона, который живет на крыше, никого не раздражает (наверное, потому что Кибрик в общем довольно верно оценивает свои возможности и достоинства);

что он поэтому начисто лишен комплекса неполноценности – то есть той черты, которая чаще всего делает людей невыносимыми для самих себя и окружающих;

что он неспособен на эмоциональное сочувствие, но зато у него есть дар – безошибочно видеть, когда помощь тебе действительно нужна, и в критический момент оказывать ее, – и это произойдет много-много раз на протяжении многих-многих лет;

что за одиннадцать совместных экспедиций побывав с Кибриком в разных передрыгах, я один-единственный раз увижу, как он потеряет самообладание, – это случится в Москве осенью 1979 г. перед лекцией Р.О. Якобсона в его последний приезд на родину, когда студенты, хлынувшие в большую 9-ю аудиторию I гуманитарного корпуса МГУ, как при прорыве плотины, будут делать вид, что не слышат громких требований Кибрика не занимать первых рядов, оставленных для преподавателей (в том числе для двух заведующих кафедрами филфака, написавших вскоре донос на организаторов лекции);

что Кибрик трубно храпит, и это делает сон с ним в одной комнате мучительным испытанием, и что по этому поводу существует экспедиционный юмор (невысокого уровня), к которому Кибрик относится без обиды;

что представления Кибрика о счастье и полноте жизни традиционны – это благоустроенный дом, возделанный сад и накрытый изобильный стол, за которым каждому находится место, произносятся благословения-тосты, поются песни и ведутся умные разговоры;

что в умных разговорах, в том числе на профессиональные темы, он охотно допускает разнообразие мнений, но есть (немногие) сюжеты, которые лучше не затрагивать;

что он всегда знает, чего хочет, никогда не убивает времени и не откладывает жизнь на завтра...

Итак, посмотрим, чем занимается Кибрик в Дагестане в 1976 г. и для чего он третий год подряд привозит туда такую кучу народу.

Кибрик безумствует.

Он поставил грандиозную научную цель – такую, которая, во-первых, невыполнима, во-вторых, сопряжена с крайним риском, и, в-третьих, лично ему, собственно для его интересов не нужна.

Цель, поставленная Александром Кибриком и его другом и соавтором Сандро Кодзасовым около 1973 г., – сопоставительный словарь для большинства дагестанских бесписьменных языков (или наименее изученных диалектов младописьменных языков). Словарь делался на основе базового списка из примерно 700 лексических значений. В список вошли основные единицы дагестанского словаря, в том числе те, которые отражают элементы традиционной культуры и поэтому неизвестны молодому поколению носителей языков, – если эти слова не записать, они будут потеряны навсегда.

Прочитую воспоминания Кибрика: "Завершив этот проект, мы с Сандро пришли к заключению, что если бы мы с самого начала знали, в какой изнурительный марафон этот проект выльется, мы бы никогда на него не решились. Иногда незнание, может быть, лучше, чем знание". (Кибрик А.Е. Экспедиционные истории 2: начало дагестанских сопоставительных штудий (1972)// Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: ЯСК, 2008. С. 32)

С точки зрения неспециалиста задача нетрудная: приехал, нашел информанта, записал слова, уехал. Специалисту, однако, понятно, что такой результат научной ценности не представляет. Почему?

Для адекватной записи слов требуется достаточный уровень понимания фонетики и морфологии каждого языка. Некоторые из них изучены довольно хорошо, но как раз такие

Кибрика и Кодзасова не интересуют. Основные контуры фонетики и морфологии неизвестного языка квалифицированный лингвист может очертить за несколько дней полевой работы, но для качественной записи нужна проработка деталей, а она неизбежно растягивается на годы. Дагестан – рай для фонетиста, в его языках богатство сегментных и просодических единиц невероятное, и даже для такого мастера, как Сандро Кодзасов, задача кажется невыполнимой за сколько-нибудь обозримый срок. Кроме того, каждое слово авторы планируют снабдить релевантной морфологической информацией – но для того, чтобы понять, какая информация нужна, требуется достаточно полное описание морфологии. Нужно ли, например, спрашивать для каждого глагола прохитив – форму запретительного наклонения? Для языков цезской группы – нет, а для некоторых лезгинских языков – обязательно, в них эта форма диагностическая, т.е. не выводимая из других. Но чтобы это узнать, надо хорошо разобраться в устройстве каждой глагольной системы.

В первые годы работы Кибрик и Кодзасов думают, что для выполнения огромной задачи требуется много людей. В экспедиции едут десятки лингвистов. Они разделяются на партии, каждая из 10-12 человек, иногда в две смены, соответственно возрастают организационные сложности. Каждая партия направляется в одно место. Кибрик и Кодзасов на протяжении всей экспедиции ездят из одной партии в другую, руководя работой, это очень утомительно. В каждый момент времени большая часть происходящего в экспедиции вне их контроля, связи нет, доступ к телефону – редкая удача. Заезд и выезд каждый раз превращается в труднейшее полное приключений предприятие, см. «Экспедиционные истории» Кибрика. Пьяные, трусливые или неопытные шоферы, узкие грунтовые дороги над пропастями, травмоопасные прогулки по горам, не всегда бесконфликтные отношения с местным населением, неизбежные болезни и недостаток квалифицированной медицинской помощи, дожди и сели, нарушения дисциплины, неопытность студентов, вчерашних детей, – все это в огромной разбросанной по труднодоступным местам экспедиции повышало степень риска до уровня, неприемлемого для разумного руководителя.

И последнее – зачем Кибрику сопоставительный словарь дагестанских языков? Его основной научный интерес – грамматика, в особенности грамматическая семантика, в последующие десятилетия круг его занятий расширится, но результатами собственного титанического труда он сам воспользоваться не сможет. Можно сказать, что итог десятков экспедиций, «Сравнительное изучение дагестанских языков» Кибрика и Кодзасова 1988 и 1990 гг., – в значительной мере акт научного альтруизма.

При мне Кибрику единственный раз задали вопрос, зачем он собирает лексику дагестанских языков. Это сделал в те годы корреспондент какой-то дагестанской газеты. Кибрик ответил: «Для сравнительно-исторического изучения дагестанских языков».

Конечно, он был прав – словарь был нужен в первую очередь для сравнительно-исторического языкознания. Без собранных в экспедициях материалов прорыв в понимании языковой предыстории, в области реконструкции правосточнокавказского языка и языков дочерних групп, совершенный в те же годы Николаевым и Старостиным, был бы невозможен. «Сравнительно-историческое изучение дагестанских языков» – это Николаев и Старостин, отношения с которыми у Кибрика в те годы не были ни близкими, ни ровными.

Сам Кибрик, как и подавляющее большинство синхронных лингвистов, сравнительно-историческим языкознанием не интересовался, к его результатам был в общем равнодушен и интеллектуальных красот лингвистической реконструкции не воспринимал. Надо отдать ему должное – он, в отличие от многих, никогда и не высказывался на эти темы.

Мне кажется, лингвисты еще не в полной мере осознали, насколько далеко разошлись специальности в их науке. Поэтому слушать отзывы синхронных лингвистов о работах по языковому родству и, наоборот, компаративистов – о сравнительных

достоинствах разных синхронных подходов бывает забавно. Ни те, ни другие, как правило, не сознают, что они тут не более способны к компетентному суждению, чем любой недоброжелательный обыватель.

Невозможно объяснить даже лингвисту другой специальности, не говоря уже о профане, что, например, реконструкция Старостиным и Николаевым прааваро-андийских сочетаний сонорных с ларингалами, эта гармония, проступающая из хаоса наблюдаемых соответствий, – именно то, что Нильс Бор по другому случаю назвал «величайшей музыкальностью в области мысли». Но Кибрик, отдавший все силы в лучшие годы своей жизни для того, чтобы эта музыка могла прозвучать, сам ее не слышал.

...Сказать, что я был мало подготовлен к жизни в первой экспедиции, в селе Тлядал, где мы изучали местный диалект бежтинского языка, – ничего не сказать. Трагикомическую повесть о моих непрерывных бытовых неудачах, неуспешностях, социальных провалах и попаданиях впросак, о сочувствии других участников партии и о язвительных насмешках местной молодежи, которая видела нашу жизнь как на ладони (старая тлядальская школа располагалась в самом центре села), отложим до другого раза. Если кратко, то в первый же день я понял, что попал в Дагестан по ошибке, что таким, как я, в экспедиции лучше не ездить, и стал считать дни до окончания кошмара.

Единственным просветом была собственно работа – я погрузился в нее с головой, и сбивающий с ног запах свежей черемши, которую ели наши информанты, навсегда соединился в моей памяти с тлядальской фонетикой. Начальство было довольно моими результатами, и мне почему-то сразу показалось, что бежтинский – лучший язык на свете (честно говоря, я и сейчас так думаю).

Как мы с трудом выбирались оттуда после того, как многодневный дождь размыл дороги, можно почитать в третьей части воспоминаний Кибрика, опубликованных в фештшрифте В.А. Виноградову. Я скажу о самом важном для меня дне – когда все приключения, кроме одного последнего (о нем см. у Кибрика), закончились, и мы в Советском (Хебде) погрузились наконец в экспедиционный грузовик и двинулись в сторону Махачкалы.

Кибрик в одном месте воспоминаний ошибся, смешав вторую экспедицию в Тлядал в 1980 г. с той первой в 1976. Его описание дороги в горы – это из 1980. На самом деле мы летели в Бежту вертолетом из Махачкалы, поэтому на пути туда настоящего Дагестана я не видел. Горы в Цунтинском районе – Бежте и Тлядале – покрыты лесом, как в соседней Кахетии, и дома грузинского типа, это тоже красиво, но типичные дагестанские безлесные пейзажи и характерные села открылись для меня только на обратном пути.

Машина катила вниз по течению Аварского Койсу, огибая с юга «сердце Дагестана» – Хунзахское плато, мимо Голотля, мимо навеки разлученных Уздал-Росо и Маали, смотрящих друг на друга с двух сторон огромного каньона, потом на юго-восток, мимо поворота на Гуниб, последней твердыни Шамиля, а затем Авария закончилась, и начался даргинский край, Леваша и Ходжалмахи.

Мы ехали по горам весь день, и стемнело, и взошла луна, и от обычного горного перепада дневной и ночной температур над дорогой потянулся лермонтовский туман – тот самый, сквозь который «кремнистый путь блестит». И, когда наконец мы выехали на равнину, я уже знал точно, что вернусь сюда много раз, что Дагестан – часть моей жизни.

...В цахурском Мишлеше, высоко в горах река Самур еще мала. Сначала мы узнали, что Оля Федорова ночами почти совсем не спит, а до утра полулежит в спальнике на крыльце, слушая ее негромкий шум. Она говорила, что этот шум прекрасен, что он никогда не надоедает и полноценно заменяет сон. Мы быстро убедились, что она права, и так целыми ночами по пять-шесть человек (конечно, не Александр Евгеньевич, который крепко спал), не говоря ни слова, сидели на крыльце и слушали говор реки, и это в самом деле не надоедало, и не становилось скучно, и в самом деле заменяло сон, и было лучше сна.